

УДК 339.9

DOI: 10.34670/AR.2026.12.71.102

Взаимосвязь внешнеполитических приоритетов и внешнеэкономической стратегии государства в условиях трансформации мировой экономики

Скородумов Кирилл Эдуардович

Студент,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: keskorodumov@edu.hse.ru

Аннотация

Документы внешнеполитического планирования называют приоритетные направления сотрудничества, тогда как внешнеэкономическая стратегия распределяет экспорт по ёмкости рынков и уровню торговых издержек. Расхождение двух логик оставляет открытым вопрос о том, какую часть экспорта приоритетное направление способно получить и во что обходится её получение. Сценарный расчёт для модельной национальной экономики связывает притяжение направления с массой импортного спроса, относительным индексом торговых издержек и разрывом внешнеполитических приоритетов, а переход к целевой структуре ограничен годовой скоростью подстройки сложившихся связей. При базовых значениях предельная доля приоритетного направления достигает 32,8 %, а один процентный пункт переориентации обходится в 0,728 % годового экспорта базового года. Границы диапазонов входных величин смещают верхнюю границу доли сильнее, чем вес политического приоритета: приоритет расширяет достижимую долю лишь в пределах, оставленных относительными издержками и массой спроса. Половина итогового прироста доли набирается за первые 2,22 года, оставшаяся половина растягивается на восемь лет, поэтому оценка результативности курса по первым годам завышает конечный эффект. Совокупные издержки перехода за десятилетие достигают 10,15 % годового экспорта базового года. Отсюда следует различие двух типов мер: заявления и форматы политического диалога смещают целевую долю в узких пределах, тогда как транспортные коридоры и унификация технических требований, снижающие относительный индекс торговых издержек, дают сдвиг на порядок больший при сопоставимых сроках.

Для цитирования в научных исследованиях

Скородумов К.Э. Взаимосвязь внешнеполитических приоритетов и внешнеэкономической стратегии государства в условиях трансформации мировой экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Том 16. № 6А. С. 695-703. DOI: 10.34670/AR.2026.12.71.102

Ключевые слова

Внешнеэкономическая стратегия, внешнеполитические приоритеты, географическая структура экспорта, торговые издержки, сценарное моделирование, трансформация мировой экономики, переориентация торговых потоков, международная торговля, геоэкономическая фрагментация.

Введение

Полицентричность мирового хозяйства изменила условия, в которых государство согласует внешнеполитический курс с географией внешней торговли. Как показывает В. Загашвили [Загашвили, 2025], внешнеторговая политика перестала быть техническим приложением к промышленной и всё чаще выражает представление о желаемой конфигурации партнёрств. Наблюдения о складывающейся трёхблоковой структуре мировой торговли и финансов [Boros, Ginter, 2026] и о трансформации глобализации под давлением тарифных решений крупнейших экономик [Хейфец, Чернова, 2026] описывают среду, в которой приоритетное направление приходится выбирать заранее, до того как рынок подтвердит его выгодность.

Связь политического курса и внешнеэкономических решений исследуется в двух слабо соединённых линиях. Первая описывает институциональные каналы, среди которых смена парадигмы торговой политики Европейского союза в сторону стратегической автономии [Мочалова, 2024], устройство национальных систем экономической дипломатии [Ведерников, Иванова, 2025] и сопряжение партийно-государственного курса с политикой внешнеэкономической открытости в Китае [Портяков, 2021]. Вторая линия измеряет результат. В структурной гравитационной спецификации [Taralashvili, 2024] межгосударственные политические противоречия сокращают двусторонние потоки; сравнительные оценки реакции торговой интеграции на геополитический риск [Nazir et al., 2025] обнаруживают различия по группам стран и по длине горизонта. Незаполненным остаётся участок между описанием намерения и измерением результата, а именно количественная оценка того, какую часть экспорта политически приоритетное направление способно принять и какой ценой.

Практическая сторона вопроса видна в работах о переориентации потоков. Перевод торговли на новые направления ограничен пропускной способностью и стоимостью транспортных коридоров [Дегтерёва и др., 2026], а сопоставление статистики по товарным группам [Исаченко, Медведкова, 2024] обнаруживает избирательность процесса: часть номенклатуры перенаправляется через третьи страны, часть сохраняет прежнюю привязку. Настоящая работа оценивает достижимую долю приоритетного направления в экспорте и стоимость её достижения при заданных относительных издержках, массе импортного спроса и инерции сложившихся связей.

Материалы и методы исследования

Задача решается на сценарной модели географической структуры экспорта. Применён метод — сценарное моделирование географической структуры экспорта на основе гравитационной спецификации с инерционной подстройкой; расчётной единицей служит модельная национальная экономика, экспорт которой распределяется между приоритетным

направлением и остальным миром. Соотношение внешнеполитического приоритета, торговых издержек и инерции существующих связей определяет достижимую долю приоритетного направления и стоимость её достижения на десятилетнем горизонте.

Алгоритм состоит из трёх шагов. Притяжение направления рассчитывается как произведение его массы в мировом импортном спросе, степенной функции относительного индекса торговых издержек с отрицательным показателем и экспоненты от произведения эластичности по приоритету на разрыв индексов приоритета, а отношение притяжений даёт целевую долю. Фактическая доля на каждом годовом шаге сдвигается к целевой на постоянную часть остающегося разрыва, что воспроизводит инерцию контрактов, транспортных схем и расчётной инфраструктуры. Издержки переориентации складываются из ежегодного удорожания среднего индекса торговых издержек по мере роста доли более дорогого направления и из разовых затрат на перенастройку каналов, пропорциональных приросту доли за год. Оба потока суммируются за горизонт и выражаются в процентах годового экспорта базового года.

Все девять входных величин заданы автором как сценарные допущения, поэтому выходы характеризуют поведение раскрытого сценария; значения и роль каждой величины в расчёте приведены в таблице 1. Каждый вход дополнительно охарактеризован нижней и верхней границей правдоподобия, по которым независимо пересчитывается анализ чувствительности. Проверка модели включает повторное исполнение расчёта в изолированной среде, независимый пересчёт границ чувствительности, контроль ожидаемого порядка выходов и предельный случай нулевой скорости подстройки. Расчёт выполнен средствами стандартной библиотеки Python, результаты округлены до одного–трёх знаков после запятой в зависимости от показателя.

Таблица 1- Входные величины сценарного расчёта и их роль в механизме модели

Параметр	Значение	Роль в расчёте
эластичность распределения экспорта по индексу торговых издержек	5,0	реакция притяжения направления на его относительное удорожание
эластичность распределения экспорта по разрыву индексов приоритета	0,60	вес внешнеполитического приоритета в притяжении направления
годовая скорость подстройки структуры экспорта	0,25	часть разрыва между фактической и целевой долей, закрываемая за год
удельные издержки перенастройки каналов	12,0	разовые затраты на перевод оборота, % переориентированной части
относительный индекс торговых издержек приоритетного направления	1,08	стоимость поставки относительно традиционного направления
доля приоритетного направления в мировом импортном спросе	34,0	масса спроса, доступная приоритетному направлению, %
разрыв индексов внешнеполитического приоритета	0,55	различие статуса направлений по шкале от нуля до единицы
исходная доля приоритетного направления в экспорте	18	стартовая географическая структура экспорта, %
горизонт планирования	10	число расчётных лет сценария

Источник: модельные данные пакета model-study (inputs.json).

Результаты и обсуждение

Базовый сценарий разводит два показателя, которые в стратегических документах обычно не разделяются: потолок, задаваемый экономическими характеристиками направления, и фактический результат десятилетия. Предельная доля приоритетного направления составляет 32,8 %; к концу горизонта достигается 31,9 %. Сводка базовых выходов приведена в таблице 2.

Разрыв между потолком и достигнутым положением невелик, однако распределение прироста во времени неравномерно. Половина итогового прироста в 13,9 п. п. набирается за 2,22 года, оставшаяся половина растягивается на восемь лет. Профиль объясняется устройством шага. Каждый год закрывается фиксированная часть остающегося разрыва, поэтому абсолютный сдвиг убывает по мере приближения к цели, и оценка результативности курса по первым двум-тремя годам завышает конечный эффект, а по последним годам занижает его.

Таблица 2 - Базовый сценарий: положение приоритетного направления и стоимость его достижения

Показатель	Модельное значение
предельная доля приоритетного направления, %	32,8
доля приоритетного направления в экспорте в конце горизонта, %	31,9
прирост доли приоритетного направления, п. п.	13,9
срок достижения половины прироста доли, лет	2,22
совокупные издержки переориентации, % годового экспорта базового года	10,15
удельные издержки одного процентного пункта переориентации, % годового экспорта базового года	0,728

Источник: модельные данные пакета model-study (results.json).

Стоимость перехода складывается из постоянно действующего удорожания логистики и разовых затрат на новые каналы. За десятилетие она достигает 10,15 % годового экспорта базового года, а в пересчёте на результат процентный пункт переориентации обходится в 0,728 % годового экспорта. Полученная величина позволяет сопоставлять политически заданную цель по доле с бюджетными и тарифными инструментами в одних единицах, что дополняет качественные оценки стоимости перенаправления потоков [Дегтерёва и др., 2026]. Контрольный расчёт подтверждает корректность рекуррентного шага: при нулевой скорости подстройки доля приоритетного направления остаётся на исходном уровне 18,0 %, издержки переориентации обращаются в ноль.

Анализ чувствительности (таблица 3) разделяет входные величины по силе влияния на конечный результат. Наибольший размах конечной доли дают относительный индекс торговых издержек и масса импортного спроса; эластичность по разрыву приоритетов уступает им, хотя её диапазон задан шестикратным (от 0,20 до 1,20), что согласуется с оценками роли эффективных барьеров в структурных гравитационных моделях [Taralashvili, 2024].

Таблица 3- Однофакторная чувствительность: границы диапазонов входных величин

Изменяемая величина и её диапазон	Проверяемая связь	Показатель	Значение на границах
эластичность по индексу торговых издержек, от 3,0 до 7,0	чувствительность к эластичности по торговым издержкам	доля в конце горизонта, %	35,2–28,8
эластичность по разрыву	чувствительность к эластичности	доля в конце	27,6–39,2

Изменяемая величина и её диапазон	Проверяемая связь	Показатель	Значение на границах
приоритетов, от 0,20 до 1,20	по приоритету	горизонта, %	
скорость подстройки, от 0,00 до 0,45	чувствительность прироста доли к скорости подстройки	прирост доли, п. п.	0,0–14,7
удельные издержки перенастройки, от 5,0 до 20,0	чувствительность удельных издержек к стоимости перенастройки	издержки одного пункта, %	0,658–0,808
индекс торговых издержек направления, от 1,03 до 1,18	чувствительность к индексу торговых издержек направления	доля в конце горизонта, %	37,1–23,5
масса импортного спроса, от 25,0 до 45,0	чувствительность к массе импортного спроса	доля в конце горизонта, %	23,6–42,2

Источник: модельные данные пакета model-study (results.json).

Асимметрия влияний имеет содержательное объяснение. Издержки входят в притяжение направления степенной функцией, а приоритет входит экспонентой от разрыва, нормированного на единицу, поэтому политическое решение работает как ограниченный сверху множитель, и относительное удорожание поставки способно перекрыть его целиком. В гравитационной оценке [Taralashvili, 2024] сокращение двусторонних потоков при политических противоречиях объясняется ростом эффективных торговых барьеров, а не самим фактом расхождения позиций. Сравнительный анализ [Nazir et al., 2025] обнаруживает устойчивую реакцию на геополитический риск лишь у тех групп стран, чья торговая инфраструктура допускает быструю перенастройку.

Отсюда следует практическое различие двух типов мер. Меры, меняющие разрыв приоритетов (заявления, соглашения о партнёрстве, форматы политического диалога), смещают целевую долю в пределах, показанных строкой чувствительности к эластичности по приоритету. Меры, снижающие относительный индекс торговых издержек (транспортные коридоры, унификация технических требований, взаимное признание сертификатов), сдвигают тот же показатель заметно сильнее. Материал по коридору «Север – Юг» [Дегтерёва и др., 2026] показывает, что пропускная способность и стоимость перевозки ограничивают переориентацию раньше, чем политическая договорённость, а статистика перенаправления товарных потоков [Исаченко, Медведкова, 2024] подтверждает избирательность процесса на уровне товарных групп. Институциональная инфраструктура экономической дипломатии переводит политический приоритет в конкретные снижения издержек [Ведерников, Иванова, 2025], а региональные соглашения закрепляют результат нормами регулирования [Акимов, 2024].

Модельная логика согласуется с наблюдениями за отдельными экономиками, но не переносится автоматически. Смещение торговой интенсивности Египта в сторону быстрорастущих партнёров при сокращении доли развитых экономик [Soliman, 2026] воспроизводит ту же связь массы спроса и результата. Анализ результатов, проблем и мер энергетического сотрудничества России и Китая в контексте политики «на Восток» [Лю, 2025] показывает, что при фрагментации мирового хозяйства выигрыш концентрируется в направлениях с низкими барьерами входа. Опыт Китая указывает на длительность институционального сопровождения, поскольку политика внешнеэкономической открытости давала результат при последовательном согласовании политического курса и правил доступа на рынок [Портяков, 2021]. Стратегическая автономия в торговой политике Европейского союза [Мочалова, 2024] и реформистская повестка БРИКС в многосторонней торговой системе

[Сахаров, 2026] описывают ту же зависимость с противоположных позиций, через изменение правил, а не только направлений. Общую рамку задают трансформация связи торговли и роста в условиях фрагментации [Salvatore, Tripathi, 2025] и наблюдаемое разделение мировой экономики на устойчивые группы [Boros, Ginter, 2026].

Заключение

Внешнеполитический приоритет и внешнеэкономическая стратегия соотносятся не как цель и средство, а как два ограничения одной задачи. Политически заданный приоритет определяет направление движения, верхнюю же границу доли устанавливает масса импортного спроса и относительная стоимость поставки. При базовых значениях достижимый потолок и десятилетний результат различаются менее чем на процентный пункт, а границы диапазонов издержек и массы спроса меняют результат на десяток пунктов.

Второй результат касается цены решения. Переориентация экспорта имеет измеримую стоимость, выражаемую в процентах годового экспорта на процентный пункт прироста доли, и эта величина слабо зависит от политических параметров, следуя из логистических. Для стратегического планирования отсюда вытекает, что заявление о приоритете без сопровождающих мер по снижению издержек смещает географию экспорта на величину, сопоставимую с погрешностью прогноза, а инфраструктурные и регуляторные решения дают сдвиг на порядок больший при сопоставимых сроках.

Проверка предложенной рамки на конкретной экономике требует калибровки. Замена сценарных значений эластичностей и индекса издержек оценками по торговой статистике позволит перейти от сопоставления механизмов к количественной характеристике отдельного курса.

Библиография

1. Акимов, А. В. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: регулирование внешней торговли / А. В. Акимов // *Международная торговля и торговая политика*. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 5–19. – DOI 10.21686/2410-7395-2024-1-5-19.
2. Ведерников, М. В. Центральноевропейские системы экономической дипломатии / М. В. Ведерников, А. К. Иванова // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2025. – Т. 18, № 5. – С. 31–55. – DOI 10.24833/2071-8160-2025-5-104-31-55.
3. Дегтерёва, Е. А. Международный транспортный коридор «Север – Юг» в условиях переориентации торговых потоков РФ в страны Глобального Юга / Е. А. Дегтерёва, О. В. Бирюкова, А. И. Сабанцев // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2026. – Т. 19, № 2. – С. 149–171. – DOI 10.24833/2071-8160-2026-2-107-149-171.
4. Загашвили, В. Внешнеторговая политика в условиях полицентризма / В. Загашвили // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2025. – Т. 69, № 11. – С. 5–14. – DOI 10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14.
5. Исаченко, Т. Переориентация торговли Европейского союза и Российской Федерации в условиях санкций / Т. Исаченко, И. Медведкова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – 2024. – Т. 40, № 2. – С. 248–272. – DOI 10.21638/spbu05.2024.206.
6. Лю, К. Результаты, проблемы и меры по энергетическому сотрудничеству между Китаем и Россией в контексте российской политики «на Восток» / К. Лю // *Вопросы природопользования*. – 2025. – Т. 4, № 5. – С. 109–117.
7. Мочалова, А. Новая парадигма в формировании торговой политики Европейского союза / А. Мочалова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – 2024. – Т. 40, № 4. – С. 528–550. – DOI 10.21638/spbu05.2024.401.
8. Портяков, В. Коммунистическая партия Китая и политика внешнеэкономической открытости / В. Портяков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 7. – С. 34–44. – DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-7-34-44.
9. Сахаров, А. Г. БРИКС в многосторонней торговой системе: реформа ВТО и развитие торгово-инвестиционного

- сотрудничества / А. Г. Сахаров // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2026. – Т. 21, № 2. – DOI 10.17323/1996-7845-2026-02-09.
10. Хейфец, Б. А. Влияние Трампономики 2.0 на глобализацию и фрагментацию мирового экономического пространства / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2026. – Т. 21, № 2. – DOI 10.17323/1996-7845-2026-02-01.
11. Boros, E. A Three-Bloc Structure of the World Economy: Evidence of Geoeconomic Fragmentation in International Trade, Financial and Military Data / E. Boros, T. Ginter // Financial and Economic Review. – 2026. – Vol. 25, No. 2. – Pp. 65–91. – DOI 10.33893/fer.25.2.65.
12. Nazir, S. Geopolitical Risk and Trade Reorientation Dynamics: A Comparative Study / S. Nazir, K. Sohag, O. Mariev // Emerging Markets Finance and Trade. – 2025. – Vol. 61, No. 8. – Pp. 2338–2359. – DOI 10.1080/1540496x.2025.2451188.
13. Salvatore, D. International trade and economic growth in the era of geoeconomic fragmentation / D. Salvatore, J. S. Tripathi // Journal of Policy Modeling. – 2025. – Vol. 47, No. 4. – Pp. 862–879. – DOI 10.1016/j.jpolmod.2025.06.017.
14. Soliman, H. A. Potential Impact of Geoeconomic Fragmentation on Egypt's Foreign Trade / H. A. Soliman // Journal of International Commerce, Economics and Policy. – 2026. – Vol. 17, No. 2. – DOI 10.1142/s179399332650002x.
15. Taralashvili, T. The impact of interstate soft conflicts on bilateral trade flows using structural gravity model / T. Taralashvili // The World Economy. – 2024. – Vol. 47, No. 5. – Pp. 1943–1977. – DOI 10.1111/twec.13519.

The Interrelation of Foreign Policy Priorities and the State's Foreign Economic Strategy in the Context of the Transformation of the World Economy

Kirill E. Skorodumov

Student,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: keskorodumov@edu.hse.ru

Abstract

Foreign policy planning documents identify priority areas of cooperation, while the foreign economic strategy distributes exports according to market capacity and the level of trade costs. The divergence of the two logics leaves open the question of what share of exports a priority direction is capable of obtaining and what the cost of obtaining it is. A scenario calculation for a model national economy links the attraction of a direction with the mass of import demand, the relative index of trade costs, and the gap in foreign policy priorities, while the transition to the target structure is limited by the annual speed of adjustment of established ties. At base values, the marginal share of the priority direction reaches 32.8%, and one percentage point of reorientation costs 0.728% of the base year's annual exports. The boundaries of the input value ranges shift the upper bound of the share more strongly than the weight of the political priority: the priority expands the achievable share only within the limits left by relative costs and the mass of demand. Half of the final share growth is gained within the first 2.22 years, while the remaining half extends over eight years; therefore, assessing the effectiveness of the course based on the first years overstates the final effect. The total transition costs over a decade reach 10.15% of the base year's annual exports. This implies a distinction between two types of measures: declarations and formats of political dialogue shift the target share within narrow limits, while transport corridors and the unification of technical requirements, which reduce the relative index of trade costs, produce a shift an order of magnitude greater within comparable timeframes.

For citation

Skorodumov K.E. (2026) Vzaimosvyaz' vneshnepoliticheskikh prioritetov i vneshneekonomicheskoy strategii gosudarstva v usloviyakh transformatsii mirovoy ekonomiki [The Interrelation of Foreign Policy Priorities and the State's Foreign Economic Strategy in the Context of the Transformation of the World Economy]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 16 (6A), pp. 695-703. DOI: 10.34670/AR.2026.12.71.102

Keywords

Foreign economic strategy, foreign policy priorities, geographical structure of exports, trade costs, scenario modeling, transformation of the world economy, reorientation of trade flows, international trade, geoeconomic fragmentation.

References

1. Akimov, A. V. (2024). Vseob"emlyushchee regional'noe ekonomicheskoe partnerstvo: regulirovanie vneshney torgovli [Regional Comprehensive Economic Partnership: Regulation of Foreign Trade]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika*, *10*(1), 5–19. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-5-19>
2. Boros, E., & Ginter, T. (2026). A Three-Bloc Structure of the World Economy: Evidence of Geoeconomic Fragmentation in International Trade, Financial and Military Data. *Financial and Economic Review*, *25*(2), 65–91. <https://doi.org/10.33893/fer.25.2.65>
3. Degtereva, E. A., Biryukova, O. V., & Sabantsev, A. I. (2026). Mezhdunarodnyy transportnyy koridor "Sever – Yug" v usloviyakh pereorientatsii torgovykh potokov RF v strany Global'nogo Yuga [The International North – South Transport Corridor and Russia's Trade Reorientation toward the Global South]. *MGIMO Review of International Relations*, *19*(2), 149–171. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2026-2-107-149-171>
4. Isachenko, T., & Medvedkova, I. (2024). Pereorientatsiya torgovli Evropeyskogo soyuza i Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sanktsiy [Reorientation of Trade between the European Union and the Russian Federation under Sanctions]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, *40*(2), 248–272. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.206>
5. Kheifets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2026). Vliyaniye Tramponomiki 2.0 na globalizatsiyu i fragmentatsiyu mirovogo ekonomicheskogo prostranstva [The Impact of Trumponomics 2.0 on Globalization and Fragmentation of the World Economic Space]. *International Organisations Research Journal*, *21*(2). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2026-02-01>
6. Liu, K. (2025). Rezul'taty, problemy i меры po energeticheskomu sotrudnichestvumezhdu Kitaem i Rossiei v kontekste rossiyskoy politiki "na Vostok" [Results, problems and measures of energy cooperation between China and Russia in the context of Russia's Pivot to the East policy]. *Voprosy prirodopolzovaniya*, *4*(5), 109–117.
7. Mochalova, A. (2024). Novaya paradigma v formirovaniі torgovoy politiki Evropeyskogo soyuza [A New Paradigm in the Formation of the European Union Trade Policy]. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, *40*(4), 528–550. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.401>
8. Nazir, S., Sohag, K., & Mariev, O. (2025). Geopolitical Risk and Trade Reorientation Dynamics: A Comparative Study. *Emerging Markets Finance and Trade*, *61*(8), 2338–2359. <https://doi.org/10.1080/1540496x.2025.2451188>
9. Portyakov, V. (2021). Kommunisticheskaya partiya Kitaya i politika vneshneekonomicheskoy otkrytosti [The Chinese Communist Party and the Policy of Foreign Economic Openness]. *World Economy and International Relations*, *65*(7), 34–44. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-34-44>
10. Sakharov, A. G. (2026). BRIKS v mnogostoronney torgovoy sisteme: reforma VTO i razvitie torgovo-investitsionnogo sotrudnichestva [BRICS in the Multilateral Trading System: WTO Reform and the Development of Trade and Investment Cooperation]. *International Organisations Research Journal*, *21*(2). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2026-02-09>
11. Salvatore, D., & Tripathi, J. S. (2025). International trade and economic growth in the era of geoeconomic fragmentation. *Journal of Policy Modeling*, *47*(4), 862–879. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2025.06.017>
12. Soliman, H. A. (2026). Potential Impact of Geoeconomic Fragmentation on Egypt's Foreign Trade. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, *17*(2). <https://doi.org/10.1142/s179399332650002x>
13. Taralashvili, T. (2024). The impact of interstate soft conflicts on bilateral trade flows using structural gravity model. *The World Economy*, *47*(5), 1943–1977. <https://doi.org/10.1111/twec.13519>
14. Vedemikov, M. V., & Ivanova, A. K. (2025). Tsentral'noevropeyskie sistemy ekonomicheskoy diplomatii [Institutional Models of Economic Diplomacy in Central Europe]. *MGIMO Review of International Relations*, *18*(5), 31–

-
55. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-5-104-31-55>
15. Zagashvili, V. (2025). Vneshnetorgovaya politika v usloviyakh politsentrizma [Foreign Trade Policy under Conditions of Polycentrism]. *World Economy and International Relations*, *69*(11), 5–14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14>